

Местные жители любили Клода Англатта, это стало ясно после случившегося в горах. Как только эта территория попала в руки Аллиона, оказалось, что этот край, лежащий глубоко в горах, пересекают сразу несколько границ других государств, из-за чего банды преступников часто опустошали его деревни. Не успел Клод вступить во владения, как тут же оседлал лошадь и лично повёл своих солдат на укрепления разбойников, уничтожая их одно за другим. Кроме того, он создал сеть из солдат и быстрых лошадей в деревнях, и держал дороги в хорошем состоянии, чтобы в случае чего, из замка немедленно отправилось подкрепление. Клод нанял многих местных на строительные работы, и, хоть им платили немного, в межсезонье люди – и особенно жители бедных деревень, радовались возможности подзаработать.

Уолтер и Джек часто рассказывали Лео длинные истории, о том как “Я тоже ехал там с Отцом и вонзал своё копье в толпы бандитов”, когда хвастались им.

После той ночи, когда Клод Англатт нашёл его в горах, Лео Аттиэль постепенно начал меняться.

Для начала, он погрузился в учёбу. Ему не нравилось учиться ещё со времён, когда он жил в Аттале, у него был брат, старше его на два года, Брантон, который был известен своей любовью к учёбе, и который давал Лео цель. Когда его брату было тринадцать лет, он представил собственный оригинальный анализ на тему, найденную в старых документах; Лео прочёл его и написал эссе, по-другому интерпретирующее их, когда ему было десять. Он никому его не показывал, а значит, никто его не оценивал и это было не более, чем для самоудовлетворения, но с самого начала у него была необычайная страсть к учёбе.

Он вернул эту страсть. Во время урока Лео говорил активнее, чем кто-либо, он отвечал точнее, чем кто-либо, и когда монах давал задание, он писал эссе с мнениями, которые никто другой не придумал бы.

Монах, отвечающий за их образование, был впечатлен настолько, что похвалил его, сказав: “Вас прямо сейчас можно рекомендовать в университет Аллиона”.

Уолтеру и Джеку это не показалось забавным. Они притихли на некоторое время после событий в горах, но когда Лео стал выделяться, их ненависть, с желанием навредить, вспыхнула снова. Однако их отец, Клод, последнее время часто бывал в поместье, из-за чего они не могли открыто издеваться над ним.

Поэтому, только во время боевой подготовки они могли показать свою силу. Они стали бить Лео ещё жёстче. Учёба это одно, но он не мог изменить разницу в силе и телосложении, просто будучи мотивированнее.

Кроме того, в прошлом, когда он жил в Аттале, Лео в целом был плох в боевых искусствах. Он был худощав и не шибко силен. Это было единственным, в чём он уступал своим ровесникам, не говоря уже о старшем брате. В одиннадцать он сам понял, что не подходит для этого.

Конечно же, Уолтер и Джек не могли дольше оставаться его спарринг партнёрами. В Аллионе был уникальный вид борьбы – кабат. Соперники раздевались до пояса и боролись на круглом ринге. Побеждал тот, кто выталкивал соперника из ринга или валил на землю. Можно бить куда угодно, кроме паха. Это было популярное соревнование в Аллионе, которое проводилось как в масштабных турнирах, так и часто использовалось для тренировок.

Уолтер, который гордился своей силой, с лёгкостью швырял Лео. По сравнению с ним Джек был слабее и, когда инструктор не смотрел, он бил Лео плечом или локтем в лицо.

Но Лео начал серьезно относиться к боевым искусствам. Он не сдавался сразу же, только потому, что не мог победить. Даже когда его отбрасывали в сторону, даже когда его рот и нос были в крови, он вставал.

Иногда, благодаря своим усилиям, у него появлялся шанс на победу. По крайней мере, относительно того, когда он сразу же сдавался, сейчас у него было больше шансов. В лучшем случае, он мог бы побеждать в каждом десятом поединке. Он перестал быть удобным противником для братьев Англатт. Раньше они легко справлялись с ним, и относились к нему с презрением, поэтому проиграть хоть один бой из десяти тысяч было бы позором.

Они даже стали бояться, что могут проиграть прилюдно, и, в конце концов:

- Я не хочу бороться с Лео.

- Он жесток в кабате.

Жаловались они с угрюмыми лицами.

Таким образом, Лео продолжал усердно работать и в учебе, и на тренировках, но даже несмотря на то, что он был принцем княжества Аталл, это не означало, что он изучает общественные и военные науки Аллиона, чтобы однажды отомстить.

На самом деле, всё было наоборот.

“Мысленно полагайся на свою фамилию, Аттиэль”, - слова, которые ему сказал Клод в ту ночь, потрясли Лео.

Они также означали, что у него есть возможность жить не только как Аттиэль. Не будь он Аттиэлем, это означало, что в ту ночь, когда его бросили в горах, его не встретили бы толпы людей и не зажгли бы огни, и он не был бы завернут в одеяло. У него не было бы выбора, кроме как самому добыть огонь и одеяло для себя.

Лео понимал, что сейчас это невозможно: “Когда я лишусь своего имени, я умру”.

Это была ужасающая мысль, но в то же время эта мысль была очень приятной. Ему лишь оставалось решить последовать за четырьмя ветрами, а затем, ринуться навстречу горизонту. Всякий раз, когда Лео думал об этом, на его глазах проступали слёзы. Это было похоже на то, когда он впервые осознал смерть.

Итак. Лео усердно тренировался каждый день. Практически впадал в транс. Когда он думал о другой жизни, не как Аттиэль, он погружался в мечты. Когда он учился, он представлял себе будущее, в окружении книг и коллег-учёных; а когда он тренировался, то представлял себя солдатом, вооруженным одним копьём, стоящим на линии фронта.

Однако... почти всегда, в те времена, тревожные чувства у него в груди мешали счастливым мечтам. Эти чувства, похожие на затхлый чёрный ил, были напрямую связаны с теми временами, когда он покинул Аттал. Тёплая кровь, которая текла по всему его телу, сразу стала такой холодной, что казалось, будто она свернулась. Лео сознательно отогнал эти чувства. Это было сложнее, чем тренировка тела или погоня за крошечными буквами по странице, другими словами – это было то, что нуждалось в своей собственной форме практики.

Нет такой области, в которой повседневная практика не давала бы результата. Мало-помалу Лео стал лучше выгонять эту грязь. Ему удалось приложить больше усилий в учебе и военной подготовке. Тем не менее, этот осадок полностью не исчез. Он знал об этом, и со временем казалось, что те чувства, которые были силой оторваны от него, приобрели свое лицо и свои собственные конечности, принимая форму другого Лео Аттиэля, который пристально смотрел на него издали бесчувственными глазами.

- Я знаю, - беззвучно шепнул он, - я знаю, я хорошо тебя знаю, Лео Аттиэль, я знаю тебя...

<http://tl.rulate.ru/book/17716/362283>